

Г. И. Успенский

Через пень-колоду

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 6
Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина
Текст и комментарии подготовлены К. Д. Муратовой
М., ГИХЛ, 1956
[OCR Бычков М. Н.](#)

Содержание

- I. Захотел быть умней отца!
- II. Хороший русский тип
- III. "Пинжак" и чорт
- IV. "Перестала!" (Из деревенских заметок)

I. ЗАХОТЕЛ БЫТЬ УМНЕЙ ОТЦА

1

-- Там, на кухне, вас спрашивает какой-то мужчина,-- сказала мне как-то на днях работница, появляясь в моей рабочей комнате. -- Вот какую-то бумагу велел вам прочитать... Не очень молодой уж... Даже уж довольно пожилой мужчина.

Работница вручила мне бумагу и ушла.

Очень и очень была мне знакома эта "бумага", засаленная продолжительным пребыванием за пазухой неведомо откуда появляющегося "прохожего" человека, случайного моего посетителя, и не без некоторого неприятного ощущения взял я ее в руки: много, очень много перечитал я этих бумаг с тех пор, как живу в деревне, и давно уже отвык чувствовать любопытство к произведениям такого рода; эти желтые чернила, от которых слепнут глаза, и почти всегда невероятно исковерканный язык, над пониманием которого надобно в буквальном смысле слова "ломать" голову, а главное, всегда почти кляузное содержание этой "бумаги", -- все это развило во мне какое-то неприязненное, даже болезненное ощущение, ощущение боли в висках всякий раз, когда какой-нибудь случайный посетитель, желая поговорить со мной, посылал вперед себя эту засаленную бумагу.

"Кляуза! Непременно какая-нибудь ехидная гадость!" -- чувствуется мне всякий раз, когда я увижу этот протягиваемый мне работницей засаленный лоскут. Горький опыт убедил меня, что хороший, дельный, *порядочный* мужик не пойдет ко мне за разговором; он делает свое дело -- некогда ему разговаривать, да и нечего мне ему сказать: ничего я *в его* делах не понимаю и не знаю. Горький опыт убедил меня еще и в том, что хороший, порядочный мужик, желающий подумать, а по временам и поговорить "по-хорошему" и о хорошем "вообще", не пойдет ко мне не потому только, чтобы он был уверен, что и по этой части, то есть по части хорошего разговора, я так же мало понимаю, как мало понимаю в его крестьянских делах; нет, он знает, что по части "хорошего разговора" я могу быть ему полезен, что у меня книжки, что я в газетах "вычитываю обо всем", и что вообще нам с ним есть много о чем поговорить по совести; но, зная все это, он все-таки не пойдет ко мне, потому что чувствует бесплодность таких разговоров, чувствует, что не те времена, {Слова эти относятся к недавнему прошлому. (Прим. автора.)} чтобы *дозволять* себе даже мечтать по-хорошему, что теперь времена стоят рыковские, не светлые, не настоящие -- времена, которые, несомненно, пройдут, но с которыми "по-хорошему" ничего не поделаешь. Можно только сторониться от них, "не касаться" этой рыковщины, где бы она ни проявлялась в деревенской жизни: в волостном суде, на сходе, в кулацком трактире или на кулацкой попойке; и вот почему не идет ко мне порядочный мужик для хорошего разговора: рыковщина